

Оксана Запорожец

Hilary Pilkington, Elena Omel'chenko, and Al'bina Garifzianova. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. London: Routledge, 2010. 285 p. ISBN 978-0-4156-3456-4.

Оксана Запорожец. Адрес для переписки: ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ, ул. Петровка, 12, комн. 302, Москва, 107031, Россия. o_zaporozhets@mail.ru.

Эта книга хорошо написана. В ней есть история, которую непременно хочется дочитать до конца. Помимо истории в ней есть то, что я как читатель и исследователь ценю в хорошей литературе и хорошем исследовании – авторам интересны люди. Название книги – убедительная декларация подобного интереса. «Российские скинхеды: Изучение и переосмысление субкультурных жизней» фактически представляет две группы героев – информантов и исследователей, отношения которых и образована сюжетная коллизия. Их голоса, звучащие в тексте, определенно равноинтересны, хотя и заведомо неравнозначны (все-таки право на рассказ принадлежит исследователю). Эта «равноинтересность» парадоксальным образом оказывается трудно достижимой в русскоязычной качественной социологии даже в тех редких случаях, когда она отказывается от подчеркнуто объективистского подхода.

Основное достоинство книги, а у нее, на мой взгляд, их немало, заключается в создании связки «теория – стратегия полевого исследования». Книга дает полемому исследователю столь значимый и так редко встречающийся в теоретических текстах ответ на вопрос «что делать?». Постсубкультурный подход, который развивают авторы, настаивает на необходимости преодоления аналитической одномерности и переходе от исследования «человека субкультурного» к изучению «человека многогранного». Это означает расширение фокуса исследования и сосредоточение внимания на жизненном мире человека, а не только на его принадлежности к субкультуре, являющейся хоть и важной, но, безусловно, не единственной жизненной сценой.

Публикация «Российских скинхедов» на английском языке вызывает одновременно и радость, и некоторую грусть. Радость связана не только с возможностью для российских полевых исследований перешагнуть языковые барьеры и стать частью международной теоретической дискуссии, но и с защитой исследователей и информантов от возможных нападков. Российские реалии, увы, убеждают нас, что дистанция от «исследователя экстремизма» до «исследователя-экстремиста», точнее, до признания его таковым в духе очередных политических веяний, может оказаться совсем незначительной. И все же грустно, что книги пока нет на русском. Коллеги могут грустить о своем, мне же жаль, что на русском языке пока нет замечательной городской этнографии, так точно и чутко передающей «тяжесть воркутинского неба» и особенности северного города, из которого постепенно уходит жизнь. Еще одно сожаление связано с явной недостаточностью

рефлексии полевого опыта как исследователя-одиночки, так и исследовательской команды в русскоязычной социологии. Несколько книг, вышедших в последние годы на русском языке, скорее, подогревают интерес к теме, чем дают ответы на бесконечное множество вопросов, имеющих к тому же свойство меняться год от года (Гончарова 2004; Воронков и Чикадзе 2009). Ну, и наконец, хотя книга отлично написана и теоретически насыщена, перевод на английский язык делает некоторые культурные реалии неузнаваемыми для русскоязычного читателя. Редко, но все же перевод превращает чтение в угадывание, в попытку распознавания первоначальных смыслов, что не способствует пониманию ситуации. К недостаткам теоретической части книги следует отнести излишнюю увлеченность авторов работами Лэса Бэка, количество ссылок на которые превышает пределы разумного и делает его едва ли не единственным специалистом практически во всех релевантных исследованию областях гуманитарного знания.

Для меня крайне важно, что книга дает возможность читателю собрать предложенные сюжеты в собственный паззл. Из множества таких сюжетов меня «зацепили» три: городская этнография, полевое исследование и написание книги в эпоху «быстрой жизни», реальная, а не только декларативная возможность отказа от «субкультурного» подхода.

ГОРОД КАК ГЕРОЙ

К сожалению, городская этнография, или описание города из перспективы его жителей, – жанр, не получивший пока особого распространения в российской социологии. Помимо прочего, исследования подобного рода не так часто и даже весьма робко покидают пределы давно обжитой части России. Это обстоятельство делает еще более ценной попытку авторов «Российских скинхедов» передать мировосприятие жителей города, расположенного за полярным кругом.

Воркута – одно из главных действующих лиц книги. Суть авторского подхода заключается в том, чтобы передать сложность жизненного мира информантов, их множественные принадлежности и причастности, образующие их личность и жизненные траектории. Город, по убеждению героев книги, оказывается социальной лабораторией, создающей особый тип «человека воркутинского», распознаваемого по одежде и особому «телесному костюму» – походке и жестам. Помимо прочего город задает пределы жизненного мира и горизонты ожиданий, обрывающиеся где-то за окраиной вместе с бетонной дорогой. Многократно подчеркиваемая «оторванность» Воркуты – напоминание о неустранимой реальности мира, где расстояния по-прежнему значимы. Ведь переезд из пункта А в пункт Б затруднителен, а порой и вовсе невозможен. В этом случае интернет, приближая мир, не делает его физически доступнее – дорога до Москвы, через которую выстраиваются все основные маршруты воркутинцев, по-прежнему занимает двое суток, а билет стоит «маленькое состояние».

Книга переворачивает привычное для многих читателей восприятие событий и мира, превращая Воркуту в точку отсчета. Производимое смещение в какой-то степени напоминает карту мира, созданную из перспективы Японских островов, и

по сути своей являющуюся триумфом «малой географической формы». Взгляд на движение скинхедов из-за полярного круга меняет привычную оптику рассмотрения любого рода движений, обычно сфокусированную на политическом/географическом центре. «Российские скинхеды» напоминают, что функционирование молодежного движения может быть описано не в логике «центр–периферия», где периферии отводится задача воспроизводства культурных образцов. Напротив, пространственная дистанция вполне ожидаемо оборачивается большей изолированностью и одновременно самостоятельностью – взглядами и действиями, менее подчиненными уже затвердевшим структурам и рутине. Удаленность дает большую возможность интерпретаций и собственных ответов на общий вопрос: что значит быть скинхедом?

Авторы очень точно передают главную, на мой взгляд, особенность воркутинских скинхедов. Их история не может быть помыслена как история «политического движения» – сплоченной группы единомышленников, связанных общими со бытиями и идеями. Мы видим, что личные отношения в слабоформализованных объединениях оказываются важнее преданности идеям. Школьная дружба и эмоциональная близость могут усилить общность взглядов, но общие идеи оказываются не способными противостоять личной конкуренции и неприязни, в конечном итоге приведших к распаду группы.

ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ UPDATED: МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ЭТО БЫСТРО?

Одна из отличительных черт современного гуманитарного знания – многократное ускорение процесса исследования. Новый темп жизни в равной степени затрагивает и начинающих, и опытных исследователей, нередко заменяющих полевую работу успешным интернет-поиском, а также порой намеренно, порой под давлением обстоятельств (грантовых требований, конкуренции в научном сообществе, финансового давления *home-universities*, конвертирующих статьи и книги в денежные эквиваленты, и пр.) максимально сокращающих срок от замысла исследования до публикации его основных результатов. «Сделай это быстро», легко, доступно, с минимальными усилиями – это пока еще не новые каноны, но определенно уже широко распространенные и успешно освоенные практики исследовательской работы.

«Российские скинхеды» – это своевременное напоминание о *трудности, эмоциональной затратности и длительности полевой работы*. Само исследование осуществлялось в 2006–2007 годах, в то время как первое знакомство, сделавшее возможным вход в это непростое поле, состоялось в 2003 году. Это гипотетически означает, что долгие три года связь с полем каким-то образом (было бы интересно узнать – каким) поддерживалась. Три года – достаточно приличный срок, измеряемый диссертациями и книгами, рождением и воспитанием детей, решениями и событиями, меняющими жизнь, поэтому важно помнить, что *некоторые поля остаются с тобой* если не навсегда, то *на обозримое будущее*, и лучше быть к этому готовым. Могу предположить, что, читая рассказ коллег, многие из

нас с очень противоречивыми чувствами перебирали свой «список потерь» – информантов, с которыми не успели, не смогли, не нашли возможность поддерживать связь после завершения исследования, хотя и обещали. И хотя выход из поля – алгоритмизированная процедура, варианты которой подробно разбираются на страницах учебников по качественным методам, новых историй никогда не будет достаточно. Кроме того «жизнь после поля» – отдельная тема, только ожидающая своих исследователей.

Еще один повод для внимательного чтения книги – поиск ответа на вопрос: как нам изучать «сильные публики/сообщества» (Fraser 1990)? Рефлексивные, нарративно компетентные, привыкшие к разговору от первого лица, к переводу своих высказываний в программы действий, они не особенно нуждаются в усилении собственного голоса голосом исследователя. Напротив, как показано в книге, исследовательский нарратив становится предметом тщательного контроля, а сам исследователь – объектом постоянного оценивания на предмет профессионального и человеческого соответствия. Как говорит один информант исследователю: «Ты слишком наивная, чтобы быть социологом». Поиск стратегий изучения «сильных публик» становится все более актуальным, поскольку «культура участия» (Jenkins et al. 2009), о формировании которой так согласованно говорят аналитики современного общества, меняет статус обывателей, превращая их в «экспертов повседневности». Их собственный голос звучит все громче. Привыкая высказывать свое мнение и привыкая к его оценке как значимого, наши информанты время от времени настаивают на более активном включении их в процесс исследования. Такая ситуация описана в книге, когда один из главных героев вполне реально оценивает свои шансы примкнуть к исследовательской команде. Социологам самое время задаться неудобными вопросами: что делать в этой ситуации? В чем заключается новая роль социолога и насколько необходимо производимое им знание? Как вести себя в сообществах, где одно неверное слово или действие могут обернуться утратой доверия и «испорченным полем»? Очевидно, что партнерство или стремление к равноправию в поле сегодня уже не могут рассматриваться лишь как проявление доброй воли исследователя.

ОТ ПОЛЯ К КНИГЕ

Судя по ремаркам в тексте, «Российские скинхеды» написаны быстро – практически за год или чуть больше по завершении полевого исследования. В такой скорости (все-таки быстрое общество дает о себе знать) есть ощутимый плюс – книга сохраняет живость происходящего, передает значимые нюансы, со временем вытесняемые из памяти многообразием житейского опыта и новыми исследовательскими проектами. Однако интересно, что открытость, столь свойственная рассказу авторов о поле, в гораздо меньшей степени проявляется в рассказе о собственном письме. Композиция книги – выбор авторами той или иной темы – остается непроясненной, хотя и очень интригующей темой. Складывается ощущение, что интенсивное погружение в поле привело одну из участниц команды – Альбину Гарифзянову – к «избирательной немоте»: будучи предельно рефлексивной в отношении

своих полевых опытов, она гораздо сложнее производит аналитические обобщения, предполагающие большую критическую дистанцию. В связи с этим возникает вопрос: какую роль выполняют другие участники команды, насколько возможно делегирование им голоса и права высказывания? Является ли этот процесс конвенциональной взаимовыручкой или в исследовательской команде неизбежно появление собственных «voiceless» и «внутреннего поля»? Можно ли считать время критическим фактором в установлении аналитической дистанции и обретении собственного голоса? Очень жаль, что ответы на эти важные вопросы не звучат в книге.

Подводя итог, мне кажется важным обозначить проблемную зону, предлагаемого «постсубкультурного» подхода. Как уже отмечалось, освобождение от «бремени класса» – отказа от подчинения индивидуальной траектории классовой – важная часть постсубкультурного подхода. Однако, очевидно, что это утверждение остается для авторов отчасти декларативным. Порой складывается ощущение, что авторы заменяют одни структурные факторы на другие (пространственную удаленность, состав семьи и отношения в ней), более значимые в российских условиях. Из книги не вполне очевидно, как все-таки происходит личный выбор, почему в какой-то момент человек оказывается частью движения, почему покидает его? Из чего собственно он выбирает? Насколько осознан этот процесс? В чем его особенности по сравнению с другими жизненными решениями? Именно в фокусировании на сложно переплетенных индивидуальных траекториях мне видится дальнейшая перспектива не только подобных исследований, но и изучения любых форм социального творчества. Пока же остается поблагодарить авторов за аналитическую смелость – обращение к наиболее проблемным зонам современной социологической теории и исследовательской практики и надеяться, что проблемность «Российских скинхедов» будет стимулом научной дискуссии, а не описанием пути книги к русскоязычному читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воронков, Виктор и Елена Чикадзе, ред. 2009. *Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле*. СПб.: Алетейя.
- Гончарова, Наталья, ред. 2004. *Полевая кухня: как провести исследование*. Ульяновск: Симбирская книга.
- Fraser, Nancy. 1990. "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy." *Social Text* 25/26:56–80.
- Jenkins, Henry, Ravi Purushotma, Margaret Weigel, Katie Clinton, and Alice J. Robinson. 2009. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge, MA: MIT Press.